



**H HARLEQUIN**  
TM

Кейтлин Крюс

# ДЕРЗКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Зарем

026

Гарем – Harlequin

Кейтлин Крюс

# **Дерзкое предложение**

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.111(73)-31  
ББК 84(7Coe)

**Крюс К.**

Дерзкое предложение / К. Крюс — «Центрполиграф»,  
2018 — (Гарем – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08919-9

Шона, сирота, выросшая в приемных семьях, решает сделать себе подарок на двадцать первый день рождения и исполнить свою мечту: побывать в баре роскошного отеля в Новом Орлеане. Там она знакомится с молодым человеком и проводит с ним страстную ночь. Спустя пять лет Шона работает официанткой в захудалом ресторанчике и едва сводит концы с концами. Однажды она видит, как в зал заходит тот самый незнакомец...

УДК 821.111(73)-31  
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08919-9

© Крюс К., 2018  
© Центрполиграф, 2018

# Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

# Кейтлин Крюс

## Дерзкое предложение

Caitlin Crews

SHEIKH'S SECRET LOVE-CHILD

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.



Серия «Гарем»

Sheikh's Secret Love-Child

© 2018 by Harlequin Books S.A.

«Дерзкое предложение»

© «Центрполиграф», 2019

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

\* \* \*

## Глава 1

Когда очередная напасть наконец-то обрушилась Шоне Синклер на голову, она совсем не удивилась.

Ужаснулась – да. Испугалась – конечно.

Но только не удивилась.

Ведь в глубине души она понимала, что когда-нибудь этот день настанет. И вот он настал. «Приготовься, – решительно сказала она себе. – Потому что момент настал».

Шона никогда раньше не видела королевской стражи, но не сомневалась, что те четверо мужчин крупного телосложения, с холодными глазами именно гвардейцы. Они ворвались в ресторан словно смертоносная волна и оценивающе осматривали каждого человека в заведении. И они сильно отличались от тех, кто обычно захаживал в это заведение, расположенное во Французском квартале.

Шона была уверена: если их спросить, они точно назовут количество официантов, сносивших между столиками, и тех немногих посетителей, что торопливо заглатывали суп из бамии и ковыряли резиноподобные оладьи. Она знала, кто эти гвардейцы. Более того, она знала, что означает их появление. Но в ней теплилась надежда, что она ошиблась.

«А вдруг, это какая-нибудь знаменитость, – сказала она себе. – Здесь, в Новом Орлеане, так бывает. Знаменитость может заглянуть даже в такой захудалый ресторанчик, как этот». Однако эти мужчины не были похожи на представителей Голливуда. Во-первых, они были слишком серьезными. Во-вторых, смотрели четко на нее.

Час был ранний. Время обеда еще не наступило, и в ресторане почти никого не было. Но это был знаменитый Французский квартал в Новом Орлеане. Посетители могли нахлынуть в заведение в любой момент. Обычно так и случалось, потому что у хорошего времяпрепровождения не было специально установленных часов.

Шона молила о том, чтобы в зале собралась толпа. Молилась истово.

Однако ни один из известных ей богов над ней не смилоствовался, и, когда входная дверь открылась, внутрь не хлынул поток посетителей. Вошел один мужчина в сопровождении двух охранников.

Вот и все. Сбылся ее самый худший кошмар, подумала Шона.

Она знала этого мужчину.

Он остановился и принялся нетерпеливыми движениями поправлять манжеты безумно дорогого на вид костюма и оглядываться по сторонам. Наконец он не спеша перевел мрачный, высокомерный взгляд на Шону.

Шона знала слишком много о нем. Одно за другим воспоминания всплывали в ее памяти. И хотя она изо всех сил пыталась убедить себя в том, что присутствие этого мужчины на нее никак не действует, от этих воспоминаний, как от горячей лавы, по ее телу растекался жар.

Шона помнила, что его глаза были не черными, как казалось издали, а захватывающими дух темно-зелеными. И что его лицом можно было любоваться – высокие скулы, волевой подбородок и соблазнительные губы. Что его руки, одновременно изящные и сильные, способны творить чудеса. Что от его смеха можно было потерять голову.

Шона многое забыла с той жгучей ночи пять лет назад. Она забыла ту веселую и легкомысленную девчонку, которая тогда вошла в бар. Та ночь навсегда изменила ее жизнь. И виноваты в этом были красивый до умопомрачения незнакомец и ее собственная глупость.

Однако она, как ни старалась, не забыла его.

– Здравствуй, Шона, – сказал он. Голос его был прежним. – Как приятно тебя снова видеть.



Его голос трудно было забыть – низкий и глубокий, с британским акцентом, к которому примешивался говор его собственной страны, далекого королевства Халия.

До знакомства с ним Шона не слышала о Халии. Зато теперь она знала гораздо больше, чем хотела. Например, что королевство расположено на Аравийском полуострове и омывается Аравийским морем. Еще она знала всю королевскую семью. Знала, какое положение королевство занимает в международном сообществе. Пять лет назад она, сидя перед гинекологическим кабинетом и читая журнал, обнаружила, что отец ожидаемого ею ребенка – плода одной страстной ночи с незнакомцем, чьего имени она не спросила, – принц Малак Халийский. И с того дня она поставила перед собой задачу как можно больше узнать о нем самом и его королевстве.

В тот день со страницы глянцевого журнала сплетен на нее смотрел Малак, окруженный супермоделями в одном из модных европейских городов. Шона никогда в этом городе не бывала и знала, что не побывает. Европейские страны были всего лишь фантазией для такой девушки, как она, без семьи и без перспектив.

Шона была уверена, что принцы еще больше недостижимы для нее, чем путешествия в Европу. А еще у нее не было ни малейших сомнений в том, что если бы ей удалось связаться с ним и рассказать о том, что – сюрприз! – он скоро станет папой, он снова ворвался бы в ее жизнь и создал бы кучу проблем. Он поступил бы так же, как мужчины, подобные ему, поступают с женщинами, подобными ей. От него не было бы никакой пользы, одни неприятности. Она насмотрелась на богатых мужиков и не раз видела, что бывает. Женщины ее уровня годились на одну-две ночи, но точно не для того, чтобы вынашивать ребенка богатому мужчине.

Насколько Шона могла судить, состоятельные мужчины путешествуют в сопровождении команды юристов, готовых в любой момент заключить с женщиной соглашение о неразглашении и дать ей взятку – в общем, сделать все, что угодно, лишь бы удержать ребенка подальше от семьи богача и от его жены, которая обычно ничего не знает про происхождения мужа. И в то же время ограничить возможность шантажа. Но это из разряда счастливых историй. Страшнее были истории, когда у женщин отбирали детей только из-за того, что у бедняжек не было денег бороться в суде.

«Со мной такого не произойдет», – еще тогда, у кабинета врача, поклялась себе Шона. У нее никого нет в этом мире, кроме ребенка, и она не отдаст его ни при каких обстоятельствах.

Тогда, пять лет назад, у Шоны отсутствовало желание снова увидеться с принцем Малаком Халийским. С тех пор ничего не изменилось.

– Не притворяйся, что не узнала меня, – сказал Малак, догадавшись, что Шона собирается солгать. Его губы изогнулись в сардонической усмешке. – Я вижу, что узнала. Кроме того, ложь тебе не к лицу.

От звука его голоса она растаяла. Но она понимала: ей всеми силами нужно показать, что он не оказывает на нее такое воздействие.

– Меня не волнует твое мнение, что мне к лицу, а что нет, – ответила Шона, как ответила бы любому, кто зашел бы в ресторан и стал бы читать ей нотации. Наградой за ее смелость было мгновенное появление гнева на лице его охранников, а темные глаза Малака заблестели. – Вижу, на этот раз ты пришел с друзьями. Могу предположить, это светский визит. Жаль, что я очень занята.

Малак на это улыбнулся. И это была совсем не та улыбка, которую она помнила с той ночи. Сейчас она была леденящей и властной, и от этой улыбки у нее внутри поднялась паника. Беспокойство змеей заползало в душу, обвивало ее кольцами и постепенно сдавливало ее.

То, что Малак не отослал своих охранников, подсказало Шоне, что встреча отнюдь не случайна. Все эти пять лет она допускала, что он может приехать в Новый Орлеан. Ведь он постоянно колесил по миру. Только она считала маловероятным, чтобы он, знаменитый принц,

вернулся специально ради того, чтобы возобновить отношения. Зачем же ему повторяться? Женщины и так вешаются на него гроздьями.

Оставалась одна-единственная причина, по которой он оказался здесь, в ресторане, где она работает, а не у нее дома, в ее маленьком арендованном домике на небольшой улице в пятнадцати минутах ходьбы от Французского квартала, где он побывал пять лет назад.

Сейчас Шона обрадовалась, что перед работой завезла Майлза к своей подруге Урсуле. Хотя «подруга» – слишком сильно сказано. У самой Урсулы был шестилетний ребенок, и она тоже работала по скользящему графику. Они познакомились несколько лет назад, когда обслуживали столики в одном кафе в нескольких кварталах отсюда, и с тех пор по очереди присматривали за детьми. Вместе Шону и Урсулу свели жизненные трудности и желание время от времени провести время в приятном обществе, ничто больше. И все потому, что Шона, по правде говоря, знала о дружбе так же мало, как о семье.

– Мы можем где-нибудь поговорить? – спросил Малак.

Тот мужчина, с которым она провела ту долгую, невероятно чувственную роковую ночь пять лет назад, никогда бы так не сказал. Малак не задавал вопрос, а отдавал приказ. И горе было тому, кто не повинуется ему.

Но Шона никогда не умела выполнять приказы. Таковы были последствия тяжелого детства. Собственная мать бросила ее, когда она была младенцем, и с тех пор она скиталась по индифферентным приемным семьям, имея лишь, как она выражалась, «возможности».

Возможность научиться быть жесткой, что бы ни случилось. Возможность научиться стоять на собственных ногах и заботиться о себе.

Ей было восемнадцать, когда государство наконец выпустило ее на свободу. И с тех пор она сама пробивала себе дорогу, как до беременности, так и после. И сейчас она не собиралась ничего менять ради нахального принца в костюме, стоимостью наверняка больше, чем год аренды ее домика.

– Нет, – ответила она. По тому, как Малак поднял бровь, она поняла, что он нечасто слышит это слово. – Нам негде поговорить.

– Нет? – эхом отозвался Малак. Казалось, он решил, будто она произнесла «нет» случайно и повернет вспять, как только услышит это слово из его уст.

– Нам не о чем говорить.

Шона скрестила руки на груди и порадовалась тому, что сегодня она выглядит совсем не так, как в ту ночь, когда встретила его. Черная футболка с логотипом ресторана, маленький черный передник и короткая красная юбка четко указывали на ее статус – она всего лишь официантка, ни больше, ни меньше. Она этого ни капли не стыдилась, считая, что никакой принц из далекой страны никогда не обратит внимания на обычную официантку. А еще она надеялась, что, возможно, глядя на нее, Малак вспомнит, почему он исчез в то утро пять лет назад. Может, если она будет трубить о своем явном недостатке воспитания и низком происхождении, он опять исчезнет.

Она могла только надеяться.

– Боюсь, нам есть о чем поговорить, – сказал Малак, словно выступал в зале суда, а не вел беседу. – Как бы ты ни сопротивлялась, разговора не избежать.

Малак сунул руки в карманы брюк, а потом улыбнулся, словно пришел сюда только для того, чтобы очаровать ее. Он в одно мгновение преобразился в того самого мужчину, которого Шона так ясно помнила с той ночи пять лет назад, в том самом баре при гостинице, куда она мечтала попасть с самого детства. Тогда его улыбка была незабываемой – такой заразительной, такой чувственной, что подтолкнула ее на действия, которые были совершенно не в ее характере.



Все эти годы Шона отказывалась сожалеть о том, что тогда произошло. Но сейчас, когда ее сердце бешено забилося, а дыхание участилось, она с ужасом поняла, что с тех пор в ней ничего не изменилось.

Потому что тот Малак, которого она помнила, – обленившийся бездельник, порочный, мягкотелый соблазнитель, – не был плодом ее воображения. Да, сейчас он выглядел иначе. Он держался надменнее, его лицо было более мрачным. В нем не было игривости, взгляд утратил веселый блеск. Но это все равно был он. И для Шоны это оказалось большой проблемой. Потому что Малак был единственным мужчиной, который пробудил в ее душе такую бурю чувств. Более того, он был единственным, кому она позволила прикоснуться к себе.

Все эти годы она говорила себе, что она то слишком устала, то слишком напряжена, то слишком бедна, чтобы выйти из кокона и с кем-нибудь познакомиться. И вот сейчас, глядя на Малака, она вдруг разозлилась на себя за то, что так и не устроила свою жизнь. Почему она допустила, чтобы ее опыт в сексе ограничился им?

– Даже если нам и есть о чем поговорить, в чем я сомневаюсь, то я на работе, – сказала Шона. Она бы с радостью набрала 911, чтобы Малака забрали и подвергли психиатрической экспертизе. – Сейчас не время и не место. Попробуй позвонить, как нормальный человек.

– В нашем случае одного звонка будет недостаточно.

– Нет никакого случая, – сказала Шона с нажимом.

Они могли говорить только об одном, и Шона не собиралась этого допустить. Лучше умереть.

Она многие годы опасалась этого момента. И вот когда ей стало казаться, что все страхи позади, он настал. Может быть, поэтому она не поддалась чувствам, бурлящим внутри нее. Она обратила внимание на то, что его охранники заблокировали все выходы, и прикинула, что нужно, чтобы выбраться отсюда, забрать Майлза от Урсулы и сбежать из Нового Орлеана.

Самое замечательное, размышляла она, что никто не заметил бы ее исчезновения. Кто она такая? Самая обычная официантка. Ее и в Сети-то нет. Так что нужно сегодня же вечером уехать куда-нибудь подальше, как будто их с Майлзом никогда не было. Жаль, корила она себя, что ей не пришло это в голову пять лет назад.

– Ты, конечно, права, – сказал Малак, и она увидела опасный блеск в его глазах. Таких же, как у Майлза. – Он вообще не случай, не так ли? Он маленький мальчик. Уверен, ты назвала его Майлзом.

Шона осознала, что спокойствие покидает ее. Она замерла, но не от страха. Или не только от страха. Ее пронзила дикая ярость.

– Майлз тебя не касается.

– Зря ты на этом настаиваешь, – с упреком сказал Малак. – Хотя, возможно, ты предпочитаешь растить его в нищете, нежели в той среде, к которой он принадлежит. Его, единственного сына Халийского принца.

– Мне все равно, кто его отец, – процедила Шона сквозь зубы. – Важно то, что он мой сын.

– Позволь рассказать тебе, что происходит, когда принц становится королем, – сказал Малак, и в его голосе она услышала нотки угрозы. – Не нужно никаких соболезнований, так как ни отец, ни брат не умерли. Они отреклись от престола один за другим, словно домино.

Шона не понимала, о чем он. Точнее не хотела понимать, потому что это означало бы...

Но Малак продолжал:

– Переход власти всегда сопровождается опасностью, но еще большая опасность возникает тогда, когда во власть вступает король, который вообще не должен был приблизиться к трону. Поначалу придворные рвут на себе одежды и молятся о спасении. Это занимает некоторое время. Но когда они прекращают заниматься всей этой чепухой и возвращаются в реальность, они запускают полноценное расследование в отношении нового монарха, человека, который... как бы это сказать?

– Не мог держать его в своих штанах?

Малак слегка улыбнулся. Что его позабавило, ее сухой тон или описание как таковое, Шона не могла сказать.

– Если помнишь, Шона, никто не хотел, чтобы я держал его в штанах. И меньше всего не хотела ты. – Он пожал плечами, когда она прищурилась. У нее не было оснований спорить. Он был абсолютно прав. – Я вынужден с сожалением признать, что дворцовые следователи были загружены работой. Они нашли каждую женщину, к которой я когда-либо прикасался.

– Не думала, что кто-то умеет оперировать такими большими числами.

Малак, не отрывая от Шоны взгляда, поклонился.

– Каждую мою счастливую любовницу проверили, чтобы убедиться, что ни она, ни ее связь со мной не позорят королевство. Из всего легиона бывших любовниц только ты, Шона, хранила тайну, которая заставила бы рядового дворцового советника поседеть за ночь.

– Ты ошибаешься. – Шона с трудом сдерживалась. Но она не сдавалась, хотя боялась, что сломает себе ребра – так сильно она сжимала себя, обхватив руками. – Мы с Майлзом к тебе никакого отношения не имеем.

– Восхищаюсь твоей независимостью, – сказал Малак тоном, который свидетельствовал об обратном. – Очень восхищаюсь. Но боюсь, у тебя нет выбора. Или правильнее сказать: ни один вариант тебе не понравится. Ребенок мой. Это делает его наследником Халийского трона. А также означает, что он не может здесь оставаться.

Шоне казалось, что ей снится кошмар, что достаточно ущипнуть себя, и этот ужас закончится. С тех пор как родился Майлз, она много раз во сне видела эту сцену, но на этот раз у нее не получалось проснуться. Малак не собирался уходить.

– Позволь мне убедиться в том, что ты правильно меня понял, – сказала она. От напряжения у нее звенело в ушах. Она полностью сосредоточилась на Малаке, словно на мишени. Если бы только она могла найти правильное оружие! – Ты не тронешь моего ребенка, а если попытаешься, то шестеро здоровенных головорезов с оружием не спасут тебя. Ничто не спасет.

Шона не знала, чего ожидала от Малака. Но она точно не ожидала того, что он сделал.

Он залился смехом – заразительным, веселым, чувственным, тем самым смехом, который стал причиной ее падения пять лет назад. Его смех совсем не изменился. Темный костюм был новым, также как и охрана вокруг него. А мрачные нотки в его голосе, разговоры о королях и тронах, о дворцовых советниках – тоже было ново.

Но не этот смех... Он был таким же опасным, каким она его помнила.

Смех окутал Шону, словно жар, который пронизывал ее насквозь, проникая внутрь через все поры. А затем, что было еще хуже, этот жар возник между ее ног и запульсировал там.

Все эти годы Шона убеждала себя, что в ту ночь она была пьяна. Она говорила себе, что она выдумала ту непреодолимую силу, которая влекла ее к нему той ночью, то настоящее желание быть ближе к нему, несмотря ни на что. Она была уверена, что это все – плод ее воображения, потому никогда ничего подобного не испытывала. Как теперь выясняется, она ничего не выдумала.

Как оказывается, Малак – единственный мужчина на белом свете, который вызывал у нее все эти эмоции. Вот он стоит перед ней в окружении вооруженных головорезов, угрожает ее ребенку и ее жизни, а она все равно чувствует то, что, по идее, чувствовать не должна. Да что, черт возьми, с ней происходит?

Малак отсмеялся и посмотрел на Шону. Его глаза ярко блеснули.

Шона вдруг поняла, что попала в еще большую беду. От ужаса ей стало трудно дышать.

– Есть некая свобода даже при таком небольшом выборе, – с некоторой грустью произнес Малак. Эта фраза прозвучала, словно закрытие клетки поворотом ключа. – Все получится, Шона. Так или иначе, но все будет хорошо.

– Ничего не получится! – возмутилась Шона. – Ты сейчас разворачиваешься и возвращаешься туда, откуда пришел. Немедленно.

– Жаль, что я не могу так поступить, – сказал Малак таким тоном, что Шона поверила ему. – Это невозможно.

– Ты не можешь...

– Майлз – сын короля Халии, – заметил Малак, и Шона увидела в его темных глазах нестигаемую, как сталь, твердость. И Шона поверила ему, хотя верить ей совсем не хотелось. Она поверила в то, что каждая его частичка обладает властью. Смертоносной.

Ну вот, подумала Шона, она вляпалась по уши.

Снова.

– Поздравляю, Шона, – продолжал говорить Малак. – Теперь ты становишься моей королевой.

## Глава 2

Малак был в ярости.

И это еще слабо сказано. Он был на грани взрыва, и хуже всего то, что он прекрасно понимал, что не имеет права срываться, потому что именно он был причиной всей ситуации. И осознание собственной вины только подпитывало его возмущение.

Малак не поверил, когда дворцовые советники положили перед ним фотографии. Он был сыт по горло недавними событиями, включавшими отречение его брата Зуфара, которое последовало сразу после отречения отца, а также ошеломляющую новость о том, что теперь королем стать предстоит ему. И это после того, как его всю жизнь игнорировали! Хотя безразличие со стороны родственников его вполне устраивало, так как это означало, что он может делать что хочет и никто не будет укорять его за то, что он пренебрегает своими обязанностями.

Малак никогда не хотел становиться королем, предпочитая жизнь полную излишеств и экстрима. Кому нужна такая ноша? А вот Зуфар радовался, и Малак, который хорошо знал брата, так как они выросли вместе, никогда бы в это не поверил, если бы не видел собственными глазами.

Однако судьба распорядилась по-своему, Малаку пришлось принимать решение. Оно было простым, так как он любил своего брата и свою страну. А вот сам комплекс мер по превращению этого решения в жизнь оказался сложным. Посвящение в его новую роль было то, чего он боялся. Больше того, оно начиналось с тщательного изучения всего его сибаритского существования. По мере того, как одно за другим обнажались его «свершения», Малак все сильнее уставал от самого себя и от множества непристойных и развращенных порывов, которые он никогда не пытался обуздать.

Раньше он редко испытывал стыд, но сейчас ему трудно было избежать мук совести, когда он смотрел на бесчисленное количество фотографий и толстые досье, в которых перечислялись все его опрометчивые поступки и назывались имена всех женщин, уже давно ставших для него лишь смутными приятными воспоминаниями.

А вот Шону Малак помнил отчетливо.

Да разве мог он ее забыть? Среди множества красивых женщин, которых ему посчастливилось узнать, Шона стояла особняком. То был его последний день в Новом Орлеане после недели хандры и сумасшедшего загула. Он обосновался в лобби своего элегантного отеля, чтобы выпить и подготовиться к возвращению домой, где ему предстояло увидеться с родственниками, которые тут же набросились бы на него с упреками за недостойное поведение и выразили бы глубокое неодобрение его выходкам.

А потом появилась она. Она была почти непередаваемо хороша собой, с нежной смуглой кожей и пухлыми губами, которые одним своим видом вызвали ненасытное желание припасть к ним в поцелуе. Прекрасные волосы лежали тяжелой массой, и ему дико захотелось запустить в них руки. На ней было короткое блестящее золотое платье, которое облегло восхитительные изгибы ее тела.

Она подошла к деревянной барной стойке и заняла единственное свободное место – рядом с ним.

Малак был всего лишь мужчиной. Причем таким, который ничего из себя не представляет и которому нечем гордиться, если верить словам родственников. Он и повел себя в соответствии с этой характеристикой: просто улыбнулся самой красивой девушке и придвинулся к ней поближе, после того как она улыбнулась ему в ответ. Все это было вполне безобидно.

– Я здесь впервые, – сказала она ему, наклонив голову так, словно делилась секретом. – Сегодня мне исполняется двадцать один год, и я решила отпраздновать день рождения с размахом.

Сначала Малаку потребовалась почти минута, чтобы вспомнить, где он находится, а потом и те американские законы, которые он считал странными: восемнадцатилетних юношей и девушек называли «взрослыми» и наделяли правом идти воевать, но ограничивали их в алкоголе.

– И вы решили отпраздновать его здесь? – спросил Малак. – Ведь есть более интересные места для такого грандиозного события, чем полутемный бар на тихой улице. В конце концов, это Новый Орлеан.

Чем дольше она на него смотрела, тем зазорнее становилась ее улыбка.

– В детстве я постоянно проходила мимо этой гостиницы и всегда мечтала о том, что я однажды приду сюда. День рождения оказался идеальной возможностью.

Малак прекрасно понял, что искру, которая проскочила между ними, почувствовал не он один. Не он один ощутил вспыхнувший в душе огонь.

Ему никогда не приходило в голову игнорировать подобные вещи ради высшего блага. Поэтому он купил симпатичной девушке первый коктейль, а потом с радостью лишил ее невинности в своем номере наверху. Он до сих пор, будто это случилось вчера, отчетливо помнил ее удивление, ее искреннюю радость. А если постараться, он мог бы вспомнить вкус ее кожи.

На фотографиях, которые ему показывали его советники, была единственная женщина, которую он помнил в мельчайших деталях. Малак понимал, что прошли годы, но по фотографиям этого видно не было. Шона была так же красива, независимо от того, одета она была в униформу официантки или в один из длинных ниспадающих сарафанов, которые Малак очень одобрял, настолько идеально они подчеркивали ее изящную фигуру.

Возможно, размышлял Малак, она стала даже красивее. Ее образ на фотографии напоминал ему, как он исследовал ее тело, как она восторженно вскрикивала, когда он гладил ее шелковистую кожу.

Однако советники в первую очередь были нацелены не на то, чтобы объяснить Малаку каждую его ошибку. Эти форсированные марши по улицам его памяти были неприятны всем заинтересованным сторонам. Малак категорически отказывался извиняться и высказывать хоть малейшее сожаление о том, как он прожил свою жизнь в качестве запасного игрока без надежды приблизиться к трону.

Его советники были заинтересованы в ребенке.

Четырехлетнем ребенке, поразительно похожем не только на Малака, но и на других членов семьи. Если у кого-то и были сомнения, они сразу развеивались, стоило увидеть у мальчика такие же темно-зеленые глаза, как у Малака, доставшиеся ему в дар от прабабушки. Эти проклятые глаза Малак видел каждый раз, когда смотрел на свое отражение.

Малак никогда не предполагал, что станет королем. Да он и не хотел взваливать на себя это бремя. Но он был принцем Халии, независимо от того, что родители игнорировали его, несмотря на долгие годы беспечной жизни, в течение которых он оправдывал самые худшие ожидания окружающих. В его жилах текла королевская кровь, и поэтому он согласился выполнить свой долг и своими поступками доказать, что он достоин этой чести, что из него получится хороший монарх.

Сейчас ему предстояло сосредоточиться на текущих делах и научиться выбирать из повестки дня те вопросы, которые способствовали процветанию его королевства. Один из таких вопросов касался ребенка – плода одной ночи любви. Раньше он отмахнулся бы от многочисленных лекций глубоко оскорбленных советников и просто проигнорировал бы тот факт, что у него есть ребенок, которого он в глаза не видел. Сейчас же наличие сына приобретало особую значимость. И Малак был взбешен тем, что Шона скрыла от него его рождение. Правда, он понимал, что у нее не было возможности известить его, так как он не сказал ей, кто он на самом деле. Однако это не меняло того факта, что он пропустил первые годы жизни собственного ребенка.

И вот теперь он злился из-за того, что попался в ловушку, которую сам же и устроил. Выход из сложившейся ситуации был один – брак.

Но Малак не хотел жениться на женщине, которую едва знал. Не хотел он жениться и только потому, что совершил очень большую ошибку пять лет назад. Как ни хороша была Шона, как ни восхитительно было то соитие, когда она отдала ему свою невинность, желания видеть ее своей женой у него не было.

А теперь выяснилось, что и у нее такого желания нет. Что перспектива стать его женой вызывает у нее лишь ужас.

– Надеюсь, это была метафора, когда ты назвал меня своей королевой, – с пренебрежением заявила Шона, словно он предложил ей заняться проституцией на ближайшем углу.

Оказалось, что Новый Орлеан – совершенно другой город при свете дня. И в трезвом виде.

И Шона, оказывается, другая.

Малак мгновение изучал ее, стараясь держать себя в руках.

– Ты поймешь, что я редко говорю метафорами.

– Мне все равно. – Шона покачала головой. По ее взгляду было ясно, что она считает его безумцем. – Мне неинтересно, говоришь ты метафорами или нет. Лучше тебе уйти прямо сейчас, или я вызову полицию. И поверь мне, я тоже не говорю метафорами.

Шона вытащила из кармана фартука телефон, и Малак ей поверил. Если на свете была женщина, способная вызвать местную полицию, чтобы избавиться от него, то это была она.

Выяснилось, что Шона обладает неистовым характером. Малак, в жилах которого текла кровь королей пустыни, знал: народы пустыни высоко ценят неистовость – или оценят ее по достоинству, если ему удастся направить ее в правильное русло. Шона угрожала ему, не боясь вооруженных людей рядом с ним, готовых умереть, защищая его. Малак высоко ставил этот факт.

По правде говоря, собираясь в Америку, он был почти уверен в том, что американская официантка с сомнительным финансовым положением и «карьерой» в такой унылой забегаловке едва ли сочтет идею выйти замуж за принца Халии столь ужасной. Однако то, что выяснилось, ему совсем не понравилось.

– Если ты думаешь, что полиция тебе поможет, то вызывай ее, – сказал Малак тоном полным ярости. – Я уверен, им понравится урок про дипломатический иммунитет. А еще им захочется прочитать тебе лекцию о том, что нельзя зря тратить их время. Но конечный результат не изменится. Возможно, пришло время принять неизбежное.

Шона жестом показала альтернативное, анатомически невозможное предложение, которое заставило охрану Малака ошетиниться от возмущения.

– Какое неуважение, сир! – воскликнул охранник справа.

Малак поднял руку, и его люди успокоились. Он понимал: если позволить ей думать, что она может разговаривать с ним таким образом, то это станет опасным прецедентом. Поэтому нужно поставить ее на место, пресечь неуважение к нему. Он мог с ходу перечислить несколько вполне приятных способов, которые можно было бы применить прямо здесь, в этой грязной дыре, называющей себя рестораном.

– Я советую тебе помнить о том, что я король, нравится тебе или нет, – мягко сказал он. – Возможно, со временем я проникнусь твоим неугомонным духом, но мои люди вряд ли.

– Единственное, что меня волнует еще меньше, чем ты, так это мнение твоих нянек.

Малак не ответил и на эту дерзость, потому что он был не в Халии. Это Америка. Есть у тебя дипломатический иммунитет или нет, но людям не понравится, если он перебросит кричащую женщину через плечо, а затем запихнет ее в ожидающую машину.



Такая стратегия была бы неправильной. Малак не хотел похищать Шону и собственного сына, хотя и допускал вероятность такого варианта, силой, если иного пути не будет. Правда, в этом случае он стал бы злейшим врагом Шоны.

Малак подвел первые итоги: никто из них не хочет этой неизбежной связи и предстоящего брака, это очевидно. А нежеланный брак родителей может повредить ребенку. Он лучше кого-либо знает, каково это – расти в тени ужасного брака, и готов сделать многое, чтобы его ребенок об этом не узнал. Поэтому для Шоны было бы лучше принять неизбежное, чем вести с ним непрерывную борьбу. По крайней мере, так будет лучше для построения его отношений с сыном, которого он пока не видел, а о существовании которого услышал всего неделю назад.

– Жду тебя снаружи, – властно произнес Малак. Шона прищурилась, и он словно прочитал ее мысли. – Мои люди у каждого выхода, Шона. Так что о побеге не может быть и речи. Все, что тебе нужно, – это спросить себя, не хочешь ли ты, чтобы я заплатил твоему боссу за твое увольнение. И ведь я это сделаю. С легкостью. Потому что это ускорит процесс.

– Еще бы, кому, как не тебе, пугать меня увольнением, из-за которого мне не на что будет жить, – сказала Шона, качая головой и всем своим видом выражая ему свое отвращение. Малак вдруг обнаружил, что ему это неприятно. – Конечно, что для тебя значит работа? Тебе нет необходимости думать о том, как купить еду. Ты, наверное, считаешь, что она просто появляется на столе по волшебству.

Малак не удостоил ее ответом. Вместо этого он развернулся и вышел на улицу, где на Французский квартал уже начала опускаться ночь, а дневная жара спала. Он ожидал, что она последует за ним, но Шона этого не сделала. Она заставила его ждать. Она не только не ушла с работы, как он рассчитывал, но и проработала до конца смены, в перерывах проверяя каждый выход, о чем ему послушно докладывали его люди.

Малак почти восхищался ее основательностью и целеустремленностью.

Почти.

Когда Шона наконец вышла из ресторана и увидела, что он ждет ее, как и обещал, она вздернула свой маленький волевой подбородок и хмуро уставилась на него. Малаку потребовалось гораздо больше самообладания, чем следовало, чтобы не среагировать на это. Он похвалил себя за сдержанность, а в том, что сдержаться сможет Шона, он сомневался.

– Не знаю, о чем ты думаешь. На что ты рассчитываешь? – спросила Шона.

– Я уже тебе сказал, что будет дальше. – Малак прислонился к боку «ренджровера», на котором прибыла его охрана с аэродрома, где его ждал самолет. Вечер в Новом Орлеане был душным, таким же, как и тот пять лет назад, он это хорошо помнил. Люди, спокойные днем, вечером словно оживали и открывались веселью. В воздухе звенел смех, чуть ли не из каждой открытой двери доносились приятные звуки музыки. И посреди всего этого они с Шоной стояли и смотрели друг на друга с взаимной неприязнью.

«А ведь ты не испытываешь к ней никакой неприязни, – вдруг заговорил его внутренний голос. – Тебе просто неприятен тот факт, что ты ей не нравишься и что она демонстрирует это так открыто».

Малак предпочел не обращать на это внимания. Он не привык к тому, чтобы кто-то испытывал к нему неприязнь. Его игнорировали, его хотели – с этим он часто сталкивался. Но вот чтобы его ненавидели – это было впервые.

– Я не собираюсь становиться твоей королевой, – ответила четко Шона. – Я позволю тебе видаться с Майлзом, потому что, нравится мне это или нет, но ты его отец. Я полагаю, он заслуживает того, чтобы об этом знать.

С каждым мгновением Малаку все труднее было сдерживаться.

– Ты так полагаешь.

– Ты для меня всего лишь случайный знакомый из бара, – тихо сказала Шона, не сводя с него глаз. Ее слова обрушились на него словно удар. А ведь это была правда. – Мне и тогда ничего от тебя не было нужно. Не надо и сейчас. Я не ожидала снова тебя увидеть.

– Ясно. – Каждая линия ее тела была вызывающей. Та искра, что вспыхнула между ними в баре много лет назад, не давала Малаку покоя, тлея где-то в глубинах его души, и ему это совсем не нравилось, потому что желание владеть ею только усложнило бы дело. – Но я вернулся. Я не могу понять одного: почему ты так безжалостна к своему ребенку? Почему ты предпочитаешь воспитывать его в тяготах и невзгодах и запрещаешь участвовать в этом процессе мне?

– Тяготы и невзгоды, – усмехнулась Шона. – Кто бы говорил о тяготах и невзгодах? Да что ты о них знаешь?

– Ты должна понимать, что я могу обеспечить его тем, о чем ты только можешь мечтать. Какая мать такого не захочет?

– Мой сын ни в чем не нуждается, – спокойно сказала Шона. – Он счастливый ребенок. Хороший сын. И он мой.

– Чего хорошего в том, что он твой, если это означает необходимость обращаться в органы соцопеки для получения пособия? Если его мать должна пахать ради чаевых в таком заведении? – Малак кивнул в сторону ресторана.

– Ты считаешь ниже своего достоинства добросовестно трудиться на своем месте.

– Разве вопрос в добросовестности, Шона? Или в собственной неуступчивости?

Шона закатила глаза.

– Ему четыре года! Знаешь, почему четыре? Потому, что когда люди занимаются сексом, у них иногда появляются дети. Я удивлена, что такой светский человек, как ты, не знает этого.

– Я использовал презерватив.

Малак всегда ими пользовался. Всегда.

– Они не стопроцентная гарантия. И все это время я справлялась с последствиями самостоятельно. И вот теперь ты появляешься в городе, говоришь о тронах и королях. Я что, должна все бросить? Я должна поблагодарить тебя за то, что ты узнал о нашем существовании? Я так не думаю.

В ее словах Малака задевало не то, что она говорила язвительным тоном, а то, что это было правдой. Он знал, что в ту ночь Шона потеряла невинность, но если бы не отречение отца и брата от Халийского трона, чего никто не мог предсказать, он бы никогда не вернулся сюда.

– Ты могла со мной связаться, когда узнала, что беременна, – сухо сказал Малак.

Взгляд, которым Шона на него посмотрела, был отнюдь не дружелюбным.

– Как бы я это сделала? – спросила она холодным тоном. – Ты никогда не называл своего полного имени, не оставил номер телефона. Я узнала, кто ты на самом деле, совершенно случайно.

– Ты имеешь в виду, что узнала сегодня?

– Я имею в виду, что примерно через полгода я увидела твою фотографию в журнале. – Она покачала головой. – Предваряю твой вопрос: мне в голову не пришло гоняться за принцем-плейбоем, окруженным моделями, приехавшим из какой-то страны, о которой я никогда не слышала. С какой стати?

– Если ты так давно узнала, кто я, тогда тебе нет оправдания.

– У нас была случайная связь, – ответила Шона тем же холодным тоном. Малак понял, насколько она сейчас отличается от той улыбки, умной девушки, которую он встретил в баре, и отказывался спрашивать себя, он ли виноват в этой перемене. Он был совершенно уверен в том, что ответ ему не понравится. – К тому же, насколько я могу судить, такие связи у тебя были каждую ночь. Почему бы вдруг ты меня запомнил?

Действительно, почему? И почему ему не захотелось отвечать на этот вопрос?

– Теперь я тебя вспомнил, – сказал Малак. – А если бы я тебя не вспомнил, то дворцовые сыщики нашли бы тебя самостоятельно. Они сообщили мне, на случай, если я забыл, что я был в Новом Орлеане ровно за девять месяцев до того, как ты родила маленького мальчика, очень похожего на меня. И я мог бы поверить в совпадение, учитывая то, что всегда использую защиту, но они не верят. Теста ДНК не надо, чтобы доказать то, что видно невооруженным взглядом.

В ее глазах был вызов – ни один человек не отважился бы так смотреть на него. Малак пытался убедить себя в том, что никаких проблем с этой женщиной – с ее явной неспособностью знать свое место – не будет, но в глубине души понимал, что ошибается.

– Я так думала, что ты будешь королем. Разве ты не можешь приказать своим людям, что делать, а что не делать?

Малак никогда не задумывался о женитьбе. И уж тем более не планировал быть прикованным к женщине, которую знал всего одну ночь. Его не учили заботиться о продолжении рода. Но с того момента, как Зуфар отрекся от престола, советники стали выкрикивать имена подходящих женщин королевской крови – принцессы Амары Бхаратской, леди Сюетты и так далее, – и требовать, чтобы он начал думать о своих наследниках. До тех пор, пока не оказалось, что у него уже есть сын.

И это напомнило ему, кто он. Что он больше не принц-плейбой – ухмыляющаяся звезда тысячи бульварных статей. Что он король с обязательствами перед своим народом и его будущим, нравится ему это или нет. Что теперь не имеет значения, что произошло за последние несколько лет. Имеет значение то, что происходит сейчас.

– Я понимаю твоё нежелание, – сказал Малак. – Но я здесь только из вежливости. Я подумал, что будет лучше, если я сам приеду за вами, вместо того чтобы посылать своих людей.

– Ты не можешь меня забрать. Я не из тех, кого можно подцепить...

Шона замолчала, и воздух между ними изменился. Что-то темное и опасное, казалось, замаячило вне досягаемости.

– Я должен предупредить тебя, что мое терпение и так ограничено, – мягко сказал Малак. – Причем я осознаю свою вину, но факт остается фактом: мой сын и наследник не будет воспитываться вдали от меня. Короли Халии растут во дворце под присмотром наставников, которые подготавливают их к будущей роли. Так было веками. Так оно и останется.

Шона стояла и не двигалась, сжав кулаки.

– Мой сын не король.

– Нет, он – принц. – Малак смотрел на нее сверху вниз, и в его венах бурлила кровь предков. – Наследный принц Халии. Осталось только придать ему легитимности. А это означает, что тебе придется выйти за меня замуж. Нравится тебе это или нет.

– Я не собираюсь выходить за тебя замуж. Я не собираюсь отдавать тебе на воспитание своего ребенка. Ты сумасшедший.

– Может, тебе проще так думать, но, уверяю тебя, я не сумасшедший.

– Неужели все в Халии женятся на совершенно незнакомом человеке?

– На самом деле в моей семье многие браки устраивались по договоренностям. – Малак подумал, что сейчас не время и не место вдаваться в подробности, как эти договоренности развивались на протяжении столетий. Бурный брак его родителей был основным примером для него. – В конце концов, мы монаршие особы. Мой брат был воспитан как наследный принц и был помолвлен с подходящей принцессой с момента ее рождения.

Малак не стал рассказывать, чем все закончилось для Зуфара и Амиры, девушки, которая была обещана ему в жены, но на которой он в итоге не женился. Не говоря уже о единоутробном брате Адире, о существовании которого он узнал, только когда тот появился из ниоткуда на похоронах матери и похитил Америу в день ее свадьбы с Зуфаром.

– Как ты понимаешь, женитьба на незнакомке не является для меня препятствием.

– Однако это препятствие для меня, – твердо произнесла Шона. – Потому что я в своем уме.

– У тебя есть выбор, Шона. Ты можешь бороться со мной сколько угодно, но ты все равно проиграешь. В любом случае я вернусь в Халию с сыном. – Малак наблюдал, как грудь Шоны быстро поднимается и опускается от частого дыхания. – Если хочешь, можешь остаться. Но я не потерплю неприятностей и скандалов. Королевство не выдержит еще один беспорядок. Так что спроси саму себя, готова ли ты отдать своего ребенка? Подписать отказ от своих прав на него и никогда не упоминать об этом?

– Я лучше умру, – процедила она сквозь зубы.

– Тогда позволь снова поздравить тебя. Единственный выбор, который у тебя есть, – это уехать с нами в Халию и занять место моей королевы.

– Я лучше...

– Аккуратнее, – предупредил ее Малак. – То, что я тебе предлагаю, – великая честь. Ты уверена, что хочешь оскорбить меня? Смирись с неизбежными последствиями.

– Я не выйду за тебя, Малак.

– Нет выйдешь, – безжалостно заявил Малак. – Или останешься здесь без прав на ребенка и повязанная договорами, гарантирующими твоё молчание на веки вечные. Это твой выбор?

– Ты не можешь заставить меня сделать хоть что-то из этого, – как будто с удивлением, что он думает иначе, сказала Шона. Как будто ожидая, что грязные улицы Нового Орлеана встанут на ее защиту. – Ты не можешь меня принудить.

Однако Малак только улыбнулся, и теперь его улыбка была настоящей. Его терпению пришел конец.

## Глава 3

Следующим утром они приземлились в Халии. Шона чувствовала себя так же, как и в то далекое утро, когда она проснулась в шикарном номере гостиницы и обнаружила, что совсем одна. Тогда она ощущала себя... сладко утомленной и каким-то образом обновленной.

Шона понятия не имела, как она, которая никогда не легла бы в постель с незнакомцем и не допустила бы, чтобы мимолетная связь закончилась ее одиночеством и беременностью, оказалась там. Уж больно много она видела подобных примеров. И еще она не могла понять, почему она так беспечно отдалась мужчине, которого никогда до этой ночи не видела.

Сейчас же ее поступок был вполне объясним. Ей не оставили выбора.

Малак объявил, что разговор окончен и что следующей остановкой будет дом ее подруги – он, конечно же, знал об Урсуле, – где они заберут его сына.

Он постоянно повторял: «его сын». И Шоне становилось только хуже от осознания, что это правда.

«Ты тоже можешь участвовать в нашей с ним первой встрече», – заявил он с таким высокомерием, что Шоне захотелось на него накричать и наброситься с кулаками. Ее охватило настоящее желание заставить его глубоко и отчаянно сожалеть о том, что он вернулся в ее жизнь.

Но превыше всего этого было желание защитить Майлза. Ненавидя себя за слабость, она села к нему в машину.

Не было смысла притворяться, что это не стало очередной капитуляцией. Как бы Шона ни убеждала себя, что все ради Майлза, все равно она чувствовала другое, сидя с Малаком на заднем сиденье слишком комфортабельного «ренджровера».

Ей хотелось разорвать Малака на части, но она не осмеливалась. И причиной были не вооруженные люди, которые смотрели на нее холодным и прищуренным взглядом. Просто Шона не знала, что будет, если она, даже пребывая в таком гневе, прикоснется к этому упругому, атлетически сложенному телу. Она не могла с уверенностью утверждать, что взмах ее кулака не превратится в предательскую ласку.

И в этом состояла еще одна причина себя ненавидеть.

Они подъехали к маленькой квартире Урсулы на окраине Садового района, и Шона приказала себе перестать думать о Малаке. Потому что ей предстоит справиться с еще одной напастью, которая, как того и следовало ожидать, упала ей на голову: сказать своему маленькому мальчику, что его отец здесь, несмотря на то, что она всегда говорила ему обратное.

– Позволь, я сама приведу Майлза, – сказала Шона, когда водитель припарковал внедорожник.

Шона скорее почувствовала, чем увидела, как Малак смотрит на нее. Его взгляд был мрачным и грозным. Шоне даже показалось, что его невидимая рука сдавила ей горло. Ее охватила паника.

– Не вынуждай меня гоняться за тобой, – тихо произнес Малак. Почти шепотом. – Сомневаюсь, что тебе понравится то, что с тобой случится, если ты попытаешься сбежать от меня. Шона, услышь хотя бы это. Если ты вынудишь меня охотиться за моим сыном, заставишь меня играть роль хищника до того, как я увижу его, и испортишь нашу первую встречу, – я никогда тебе этого не прощу.

– Может, мне и не нужно твое прощение, – бросила Шона, потому что не могла остановиться, заставить себя держать язык за зубами.

– В этом я не сомневаюсь. – Малак продолжал говорить тихо, но Шона была уверена, что слышит в его голосе злобу. – Но спроси себя, хочешь ли ты, чтобы твой сын расплачивался вместе с тобой, что будет неминуемо.

В этом, конечно, и была проблема Шоны. Часть ее хотела только одного – схватить Майлза и убежать. И не важно, чем это закончится. Просто ей нужно было доказать, что Малак не может вот так являться и приказывать ей, не говоря уже о том, чтобы делать такие заявления только из-за того, что он является большой шишкой там, откуда пришел.

Шона не имела понятия, как все это объяснить четырехлетнему сыну.

В итоге она поднялась в квартиру Урсулы, чувствуя себя так, будто идет на собственную казнь. Урсула сидела на старом потрепанном диване с сигаретой в руках и смотрела телевизор, висящий на стене. Она едва подняла голову, когда Шона помахала ей рукой, прощаясь с ней. Взяв на руки спящего Майлза, Шона вздохнула, когда ребенок уткнулся своим милым личиком в шею.

Урсула будет скучать по мальчику, но Шона знала, что та не будет скучать по ней.

Шона спустилась вниз к своей гибели.

– Он спит, – сказала она приглушенным голосом, выйдя на улицу и увидев Малака, стоящего рядом с «ренджровером».

Шона ждала возражений, требования разбудить Майлза, чтобы Малак мог осуществить нежное и воображаемое воссоединение отца и сына. Но вместо этого он посмотрел на нее и на ребенка, которого она так крепко прижимала к себе.

– Возможно, Майлз проснется, когда мы приедем домой и будем собирать его вещи, – пояснила она ему, не понимая, почему почувствовала необходимость заверить его, что встреча отца и сына все же состоится, – ведь она всегда боялась этого.

Но Малак – отец Майлза. И она должна об этом помнить, сказала себе Шона. Это же единственная причина, по которой она считает возможным дать Малаку то, что он хочет.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.